

ДВА ОБРАЗА

ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ ИЛИ СКРЫТЬ МАСТЕР

Наталья Вострикова

Сегодня трудно сказать, чем руководствовался великий скульптор Сергей Тимофеевич Конёнков, когда почти 40 лет назад выбрал для своего музея маленький уютный особняк на одной из улиц Смоленска. Может быть, в памяти художника всплыли воспоминания детства, может быть, почти 90-летнему мастеру хотелось, чтобы его произведения, его «дети», поселились там, где тихо, и зеленые ветви деревьев заглядывают в окна. Может быть... Но так и случилось. В небольших залах этого музея не экспонируются — нет, живут (!) многочисленные и разнохарактерные творения знаменитого мастера. Почти все они — дар художника своей родине, Смоленщине. Среди них, таких разных, волшебных и реалистичных, есть две работы, которые неизменно привлекают зрителей вот уже несколько десятилетий, «Сын Человеческий» и портрет Иосифа Сталина.

Сергей Тимофеевич Конёнков всю жизнь был истинно верующим человеком. Его религиозные убеждения никогда не были поколеблены ни житейскими сложностями, ни трагическими событиями мировой истории, а значит, и тема христианства всегда была одной из центральных тем его творчества. В 1933 году, в свой американский период, Конёнков создает удивительное произведение «Сын Человеческий». Из глыбы голубоватого мрамора возникает лицо, Лик Спасителя, с длинными развизающимися волосами. Композиция проста и сложна одновременно, поскольку скульптору удалось гармонично объединить динамику и статику, тяжесть необработанного мрамора с невероятно чистой шлифовкой поверхности материала. Общее впечатление от этой работы Конёнкова таково, что любые искусствоведческие описания, разбор приемов и решений кажутся нелепыми и ненужными. Ведь все это относится к приметам и знакам земного тварного мира. Здесь же — совсем другое, высшее проявление Духа в материи.

Образ Христа у предшественников Конёнкова чаще всего трактовался в историко-бытовом аспекте: как то повелось со

времен книги Ренана. Лишь рубеж XIX–XX веков, в том числе и русское искусство, поставил новые, немислимые ранее творческие задачи. За Конёнковским образом стояло уже совершенно иное мироощущение и отношение к религии и ее образам. Ни одной бытийной детали нет в работе Конёнкова, ни одного обращения к евангельским текстам, кроме самого названия, в котором кроется «ключ» к пониманию внутренних смысловых связей этого произведения.

«Сын Человеческий» — так называет в Евангелиях Христос самого себя. «...Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Ев. от Матфея, 8:20). И еще: «...первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Ев. от Матфея, 26:63–64). В работе Конёнкова педантичный зритель зря будет искать какие-либо эмоционально-психологические нюансы, так легко ощущаемые в процитированных евангельских текстах. Говорить о психологичности (в ее традиционном понимании) в этом произведении автора просто не приходится, так как образ, созданный Конёнковым, входит в ту сферу высших проявлений человеческого гения, суть которых можно определить только понятием Прозрения.

В экспозиции музея «Сын Человеческий» находится рядом с огромными по размеру скульптурными произведениями, но не только не теряется среди них, а, напротив, концентрирует своим голубоватым светом все духовно-эмоциональное пространство экспозиции. И так получилось, что несколько лет назад напротив «Сына Человеческого» разместились еще одна работа Конёнкова, долгое время находившаяся в запасниках музея, — бюст И. В. Сталина. Даже для тех, кто хорошо

знаком с творчеством скульптора, эта работа Конёнкова — открытие еще одной грани в громадном мире Конёнковского таланта. И открытие, надо сказать, своеобразное.

Личность Сталина, роль этого человека в истории страны — тема неисчерпаемая. В нашем конкретном случае речь идет о творении большого мастера, о восприятии и прочтении образа Сталина художником огромного дарования. Так что же все-таки хотел сказать нам Сергей Тимофеевич Конёнков? Ради чего, зачем был создан бюст вождя?

Бюст Сталина выполнен С. Т. Конёнковым после 1945 года, когда еще не смолкли отзвуки победного мая, когда в сознании огромного числа людей во всем мире слово Победа ассоциировалось с именем Сталина. Скульптор никогда не встречался со Сталиным, и бюст создан на основе фотоматериалов. Для менее талантливого скульптора «заочная» работа могла бы стать непреодолимым препятствием. Но Конёнков к этому времени уже стал признанным мастером психологического, ретроспективного портрета, автором ярких, динамичных, мощных портретов Мусоргского и Баха, Достоевского и Паганини, поразивших зрителей глубиной эмоционального и интеллектуального прочтения.

Бюст Сталина тоже поражает, но полным отсутствием этих черт. Абсолютная статичность фронтальной композиции и небольшие размеры создают ощущение некой игрушечности, а подцветка дерева — красные губы, красная звездочка Героя, легкий тон гладкого лица — усиливают это неестественно игрушечно-муляжное впечатление. Конёнков, виртуозно владевший материалом, в этой работе как будто низводит самого себя на уровень старательного ремесленника, создающего традиционный лубочный образец, в котором любая психология так же неуместна, как плясовая на кладбище.

Бюст помещен на невысоком многогранном основании, выступающие края которого еще больше уменьшают размер самого портрета. На гранях основания четко читаются врезанные рукой скульптора слова (приведем их полностью, так, как они написаны): «Сын Бога Навуходоносор-Сталин — Иез. 26.1–16 29. 17–20 Ис. 19.1–04. Ты царь царей, которому Бог небесный даровал царство силу и славу Дан. 21–37».

В прямом соотношении имен библейского царя Вавилонского Навуходоносора и Сталина некий двусмысленный отте-

нок. Для тех, кто знает библейскую историю, подобное соотношение имен сразу проясняет истинный смысл портрета. Следует, наверное, только напомнить, что самовластный правитель Вавилона, разрушивший и ограбивший Иерусалимский храм, царь Навуходоносор неизменно связывается с любым проявлением жестокости «сильных мира сего».

Введение в скульптуру надписей — прием редкий, но лубок без надписи почти не встречается, и в данном случае Конёнков, безусловно, рассчитывал на зрительское прочтение текста и скульптуры в целом. Однако здесь, в тексте, и начинаются «сюрпризы» скульптора, во многом разъясняющие все особенности пластического решения портрета вождя всех народов.

Помещая непосредственно за именем Сталина комбинацию букв и цифр, скульптор акцентирует внимание на двух чрезвычайно сложных библейских текстах — книге пророка Иезекииля и книге пророка Исаии, словно отсылает заинтересованных зрителей к первоисточнику.

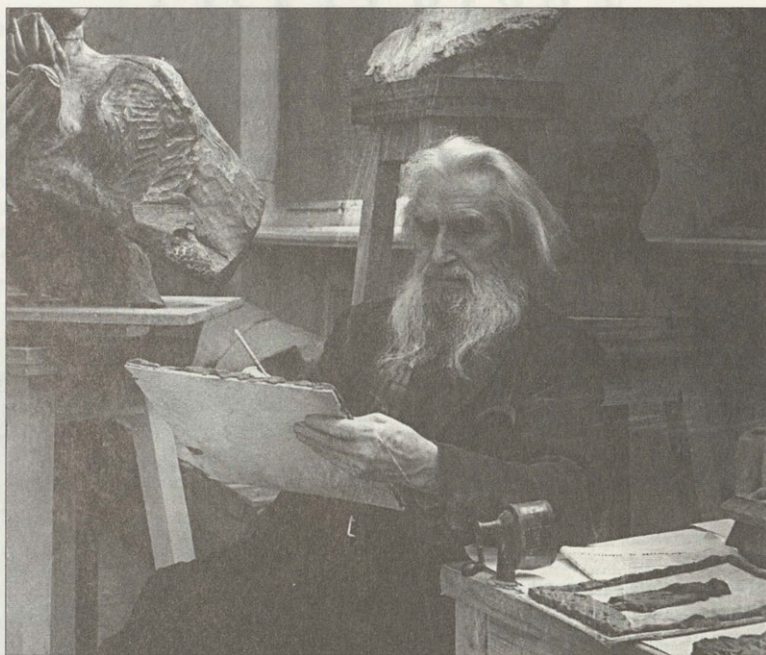
Размеры публикации не позволяют процитировать фрагменты, указанные С. Конёнковым полностью. Но несколько строк привести просто необходимо, чтобы высветить замысел автора.

Книга пророка Иезекииля, глава 26 стих 7,12 (у Конёнкова стих 1–16): «Ибо так говорит Господь Бог: вот Я приведу против Тира от севера Навуходоносора, царя Вавилонского, царя царей, с конями и с колесницами, и со всадниками, и с войском и с многочисленным народом.

И разграбят богатство твое, и расхитят товары твои, и разрушат стены твои, и разобьют красивые дома твои, и камни твои и дерева твои, и землю твою бросят в воду».

Глава 29 книги пророка Иезекииля повествует еще об одном завоевательном походе Навуходоносора — против Египта, в стихе 19 читаем (у Конёнкова 18–21). «Посему так говорит Господь Бог: вот, Я Навуходоносору, царю Вавилонскому, даю землю Египетскую, чтобы он обобрал богатство ее и произвел грабеж в ней и ограбил награбленное ею...»

В обоих случаях Навуходоносор выступает в роли «меча божьего», карающего за гордость и самовозвеличивание целые народы. Ссылка на книгу пророка Исаии усиливает эту мысль. В главе 4 этой книги стих 4 звучит так: «И предам

Сергей Тимофеевич Конёнков в мастерской

египтян в руки властителя жестокого и свирепого царя».

Приведенные цитаты исчерпывающе говорят о позиции скульптора, его неоднзначной оценке личности Сталина.

Ключом к пониманию всего текста, конечно же, является вторая строка надписи на портрете: «Ты царь царей, которому Бог небесный даровал царство силу и славу Дан. 21–37». Это слегка видоизмененная цитата из знаменитой книги пророка Даниила, откуда взята история о взятии Иерусалимского храма и трех праведных отроках. Конёнков опустил, цитируя 37 стих 2 главы книги Даниила, одно слово — «власть».

Случайно ли это? Необычно и то, что, цитируя книгу Даниила, скульптор нарушил традиционную схему ссылок на библейские тексты, которую соблюдал ранее. И простая комбинация 21–37 может читаться в нескольких вариантах: либо как глава 2 стихи 1–37, либо просто как стих 21–37. Но в книге Даниила стих под номером 37 встречается только дважды: в главе второй — он-то и написан на постаменте и в главе 11, где этот стих звучит почти страшно: «И о богах

отцов своих он не помыслит и ни желания жен, ни даже божества никакого не уважит; ибо возвеличит себя выше всех».

У кого-то может возникнуть ощущение подтасовки фактов. Но неоспоримо одно, Конёнков, едва ли не наизусть знавший библейские тексты, знал о «втором» 37 стихе книги Даниила. И совершенно сознательно мог предполагать в данном случае «эффект тайности». Тем более что в той же 11 главе, стихе 21 (у Конёнкова 21–37) слова библейского текста о презренном, который придет тихо и возьмет Царство лествью и будет действовать коварно, звучат для тех, кто знает историю возвышения Сталина, необычайно пророчески.

Сказанного, думается, достаточно, чтобы воспринять работу, как сложное, многоаспектное и яркое произведение Мастера.

Они стоят друг против друга — два Полуса, два Мира, Сын Человеческий и «Сын Бога, Навуходносор — Сталин», два произведения гениального скульптора, творившего в огромном пространстве человеческого Духа.